Спустя два дня после драки с учениками Западного крыла.

Полночь миновала больше двух часов назад. Разумеется, в такой час в Академии Магии никого не было.

С затянутого холодной дымкой двора доносился звон мечей.

Два меча столкнулись, рассыпая искры. Удары наносились столь быстро, что за ними было не уследить невооруженным взглядом. Два мечника, Такеру и Ороти, скрестили клинки впервые за долгое время. Оба сражались настоящим оружием.

Тренировки морохарю проходят не на бамбуковых или деревянных мечах. Ежедневные тренировки с настоящими мечами приучают двигаться точно, безошибочно.

Тренировка, в которой один неверный шаг может привести к смерти, закаляет дух. Притом сдерживаться запрещено. Если оппонент даже немного замешкается, его разрешено зарубить.

Противника нужно рубить изо всех сил независимо от ситуации и стойки.

— Неплохо двигаешься для большого, - усмехнулся Ороти, пока их мечи высекали искры.

— Спасибо!..

— Но больше тебя хвалить не за что. Чутка выучил Сомато и теперь перегружаешь себя, что сказывается на скорости.

Возразить Такеру было нечего. Он уже взмок от пота, Ороти же даже не запыхался.

— Ты и в той драке двигаться не мог.

— Вы видели?!

— Ага. Думал, я доверю Спитой наблюдать за вами?

— Помогли бы, вы же учитель!

— Не неси чушь. Сам затеял - сам и разбирайся. Ну, еще мне хотелось увидеть, насколько ты стал лучше.

— Кх!..

— Ты ни капли не повзрослел. Мастер удивлен. – Ороты насмешливо рассмеялся, не ощущая сопротивления. – Эй, эй, Такеру, ты сейчас с кем сражаешься? С мастером своим. Давай в полную силу. Или все шанса ждешь, а?

— Нет... Еще быстрее, и я...

— Неженка. Так тебе меня не победить.

Угрожающий тон заставил Такеру вздрогнуть.

Клинок Ороты вдруг исчез, и юноша начал падать вперед. Еще до того, как Такеру понял, что противник исчез...

— Уклонение. Бью со всей силы.

Снизу. Ороты убрал меч в ножны и принял стойку для обнажения меча прямо у Такеру под грудью.

Парень ушел в полную защиту еще до того, как успел мысленно чертыхнуться.

— Кусанаги морохарю – Кайка Ботару!

В следующий миг перед глазами Такеру мелькнула вспышка – противник обратным хватом обнажил меч из полуприседа.

Клинок стремительно, словно лезвие гильотины, понесся снизу вверх, готовый разрубить парня на половинки.

— Черт!

Такеру тут же ускорился до предела, схватился свободной рукой за ножны и заблокировал удар.

И все же клинок Ороты несся очень быстро. И хоть Такеру заблокировал удар укрепленными ножнами, его отбросило достаточно далеко.

Такой прием создает приличную брешь, поскольку под конец клинок подскакивает вверх. Если отбить удар, можно расслабиться... хотелось бы думать Такеру.

Кайка Ботару – это не один удар. Именно от него произошла техника Ко-но Тати из симмейрю. Этот прием не разрывал поток боя – он следовал ему и вел к следующим ударам.

Ороти уже был над Такеру. Он не стал останавливать подскочивший клинок, а воспользовался его импульсом, чтобы прыгнуть выше, после чего подправил траекторию меча и рубанул сверху вниз.

— Гха!

Такеру впечатало в землю. Меч-то он отбил, а вот импульс удара не погасил, отчего кости ног затрещали. У него не было времени даже застонать от боли – мастер уже приземлился.

После приземления Ороти тут же оттолкнулся от земли и, занеся меч над головой, понесся вперед как водомерка.

Промазывал удар или отбивался – Кайка Ботару не шел против силы, отдачи и импульса. Эта техника позволяет вкладывать все силы в поток, наносить удар за ударом и ускориться еще сильнее за счет силы вражеского удара. Она не гасит импульс удара, позволяя мечнику кружиться, словно вихрь из клинков.

Звон мечей эхом разносился по двору.

Послесвечение мечей напоминало светлячков, которые быстро пронеслись по воздуху.

Такеру получал все больше и больше царапин, и вскоре истекал кровью.

— Ты что, на палках дерешься? Не сдерживайся.

— Кх!

— Что такое? Я еще ускорюсь, так что реагируй быстрее, если хочешь защититься.

— Гха!

— При движении ты полагаешь только на Сомато. Это тебе не палочка-выручалочка. Что будешь делать, если сломаешься от напряжения?

Удары Ороти были не только невероятно быстры, но и сильны.

Такеру еще не погиб только потому, что ему удавалось слегка смещать меч противника. Но если так продолжится, он точно проиграет.

— Следуй за потоком, Такеру.

— !..

— Ты слишком много двигаешься - естественно, что ты будешь уставать. Не уклоняйся, не отступай, не бей. Используй силу противника против него. Следуй за потоком, управляй им. Больше тебе ничего не нужно.

— !..

— Ты же раньше просто плыл по жизни, умеешь это делать, да? - подстегнул его Ороты.

Такеру расслабился.

Несмотря на накатившую на тело тяжесть, в голове вдруг прояснилось, и мозг с телом заработали вместе.

«Не уклоняться, не отступать, не наносить удары. Принять...»

Такеру принял косящий удар Ороты своим мечом.

«Поток! А теперь...»

Простое движение. Парирование. Прежде это были основы основ, однако теперь Такеру ощутил нечто новое.

«Следовать за потоком!»

Такеру подчинился оставшемуся от удара Ороты импульсу, тут же со страшной силой прокрутился на месте, ногой подправил направление и нанес удар уже сам.

Перед ним был Ороты. И тут...

— Так-то лучше.

Мечники воспользовались импульсом вновь скрестившихся и отскочивших друг от друга мечей, чтобы ускориться еще сильнее.

— Не оставляй Сомато запущенным. Оно тебе не нужно, если читаешь свой и вражеский потоки.

— Понял...

— Запускай его только в начале движений. Достаточно только рывка, дальше поток сам понесет тебя. Так ты снизишь нагрузку на тело и мозг.

— Понял!

Мечники размахивали мечами, словно кружились в танце.

Кайка Ботару - это техника, вплетающая в бой танец с мечами. Человеческая сила ограничена. Демоны и мифические существа намного сильнее. Потому в Морохарю создали технику, использующую силу противника против него.

Резкий лязг мечей постепенно превратился в красивый звон, напоминающий колокольный.

«Сомато на минимуме, а я двигаюсь так быстро!..»

Такеру запускал Сомато лишь в начале приемов и следовал за потоком. Движения его становились все быстрее.

Такая скорость парня не пугала - он, наоборот, упивался ей. Давненько фехтование не приносило ему такого наслаждения.

Когда скорость танца клинков достигла своего предела, звон резко оборвался.

Мечники замерли с приставленными к горлу оппонента мечами.

Ничья... нет.

— Гх, гха... — Такеру стошнило кровью.

Ороти не пронзил его мечом - лишь врезал по боку ножами.

Парень рухнул на колени. Его внутренние органы сильно пострадали даже от такого удара.

Мастер столь силен вопреки слепоте. Иногда Такеру начинал сомневаться, действительно ли тот ничего не видит.

Ороти как-то сказал, что слепота не мешает ему видеть. Благодаря обостренному слуху он может чувствовать направление звука и воздушные потоки, читать движения и положение цели - даже выражение ее лица.

Воистину монстр.

— Твой поток по-наивному честен. Следовать потоку одно дело, но не оставляй брешей в защите. Не ощутишь изменений во вражеском потоке – окажешься уязвим. – Ороты убрал тренировочный меч в ножны.

— Спасибо... большое... — низко поклонился Такеру.

Юноша сам попросил провести тренировку. Он жаждал практики с мастером, потому что уже давно отточил навыки настолько, насколько это было возможно в одиночку.

Несмотря на быстрое посвящение в стиль, Такеру считал, что благодаря тренировкам с Ороты сможет вырасти еще больше.

Однако существовала одна проблема: Ороты еще не посвятил его во все тайны Морохарю. Юноша только что понял, что для этого ему пока недостает умений.

— Техникам тебя учить еще рано. Сам виноват... Тренируйся усерднее. – Ороты расправил кимоно. – Загляни к Матушке. Хочешь еще – приходи сюда в то же самое время.

— Мастер, э-э...

— М? – чуть повернул голову собиравшийся уходить Ороты.

— Вы же знаете о Микото Кусанаги? – спросил Такеру, решившись.

— ...

— Расскажите... Я еще пять лет назад понял, что вы не человек. Судя по семейному древу в нашем доме, вы жили полторы сотни лет назад.

Ороты неподвижно стоял на месте.

— Я хочу знать, что случилось на войне и... каким человеком была Микото Кусанаги, — вновь склонил голову Такеру, умоляя мастера.

Ороты поднял голову и, обратив на луну невидящие глаза, спокойно спросил:

— От Мистелтейнн слышал?

— Да...

— Ясно. Я знал, что рано или поздно рассказать придется.

— ...

— Микото - моя старшая сестра. Я убил ее во время Охоты на ведьм.

Такеру не проронил ни слова. Не спросил даже причину. Потому что не так давно сам пытался совершить подобное.

— У нее... у Микото была младшая сестра-близнец. Проклятие «Хякки Яко» по большей части легло на нее, хоть они и были однойцевыми близнецами. Только благодаря этому Микото оставили в живых и вырастили в закрытом боксе.

— ...

— Разговаривал я с ней только один раз. Случайно наткнулся в лесу на ее бокс и перекинулся с ней парой слов. Следующие десять лет я ничего о ней не слышал, война все-таки шла, — рассказывал в своей обычной беззаботной манере Ороти.

Ороти, похоже, выделялся среди Кусанаги и имел еще более буйный характер, чем Такеру.

Он простодушно делал только то, что считал правильным.

Изучив Морохарю, он оставил младшего брата и вступил в ряды ведьм.

— Я тогда много idiotских вещей натворил. Вживил себе экспериментальные клетки вампиров, перестал стареть и стал куда сильнее обычного человека. Получил Сумеречный тип и верил, что смогу повлиять на ход войны.

— Так вы...

— Я был контрактантом другого Сумеречного типа, Леватейна. А Микото оказалась контрактантом Мистелтейнн. После моего ухода дом пал в пламени войны, и инквизиторы под шумок забрали ее. Ну, сам все понимаешь, — решил не вдаваться в детали Ороти.

Но Такеру все понял. У него тоже была дорогая сердцу младшая сестра.

— Микото появилась передо мной вся истерзанная и с Мистелтейнн в руках.

— ...

— Она перестала быть собой. Побочный эффект облика охотника на богов... Мистелтейнн поглотила ее душу, и она начала бушевать.

— ...

— Я убил ее. Остальное сам знаешь. Столкновение двух Сумеречных типов вызвало «Катаклизм Акаши», который все и закончил.

Ороти получил тяжелую рану в бою против Микото и лишился зрения.

Он не стал рассказывать, что испытывал в том бою, и сразу же пошел прочь.

— Погодите!..

— ...

— Я так и не понял, почему вы не забрали у меня Мистелтейнн и предоставили судьбе. Все бы закончилось, если бы вы убили меня и сломали Ляпис, разве нет?..

Вряд ли Ороти собирался убивать Такеру, но это был бы лучший выход, сколько ни думай.

— Я-то не против, но... Ты же хотел спасти все, так? - резко произнес Ороти. - Поэтому ты бросил меч перед Кисеки. Ты бросил его, потому что не захотел отказываться ото всего. Ты захотел спасти всех и каждого - сестру, товарищей, даже себя. В тебе проснулся эгоизм, и ты закапризничал, как мальчишка, не захотел отпустить идеал. - Ороти, не оборачиваясь, предупредил парня. - Такеру. Спасти все нелегко. Я этого не смог и уничтожил многое. И Микото тоже. Товарищи, семья, друзья... Я и сейчас не жалею. - Серьезный голос мужчины как будто пронзал грудь. - Ты ведь не хочешь, чтобы все закончилось так же? Тогда тебе надо стать сильным. Неимоверно сильным. Сейчас ты ничего не сможешь спасти.

— ...

— Я не такой, как Матушка, и не стану останавливать тебя, если ты хочешь сражаться. Бессмысленную бойню я не люблю, но не стану избегать убийств во благо. Теперь все не пойдет так, как хотят остальные, раз ты решил спасти всех.

Такеру не ответил. Он мог только слушать.

— Еще раз возьми в руки меч, Такеру. Подчини Мистелтейнн, стань сильнее. И не сходи со

своего пути, даже если миру суждено будет сгинуть.

— ...

— Спасти всё - единственный выход, который у тебя остался.

Ороти ушел, стуча деревянными сандалиями.

Такеру последовало бы за ним, но тело вновь отказалось слушаться, и он рухнул на колени.

В конечном итоге история о Микото Кусанаги не дала ни малейшего представления о том, как помочь Кисеки. Да и не могла, обстоятельства у них совершенно разные.

Такеру посмотрел на луну и спокойно закрыл глаза.

— Знаю...

Он решил выйти из-под чужого контроля, бороться за спасение всего... и дошел уже вон докуда, а так ничего и не добился. Даже сейчас он спокойно проживал деньки.

Не нашел ни способа спасти Кисеки, ни вернуться к товарищам.

Он понимал, чего ему не хватает и сколько нужно.

Ему крайне не хватало силы.

Такеру нужно стать сильнее во всем.

Положиться можно только на Мари. И предстоит вдвоем выбраться из нынешнего положения.

Обстановку они уже выяснили. Теперь надо действовать.

Сначала нужно помириться с Ляпис и стать настоящими партнерами. Затем узнать у Ороти способ спасти Кисеки. А потом...

— Вернуться к товарищам.

Такеру открыл глаза и протянул руку к луне в звездном небе.

Юноша решил вернуться в Академию Антимагии.

Он уже на линии старта. Осталось только бежать.

Такеру навел руку на луну и крепко стиснул кулак.

В четыре часа утра Такеру, который уснул после возвращения с тренировки, приоткрыл глаза, потому что ощутил нечто тяжелое.

Сначала парень решил, что его настиг сонный паралич: после напряженных дней мышцы у него немели довольно часто, но вздрогнул, заметив сонным взглядом чей-то силуэт. По цвету юноша тут же понял, кто это.

— Ляпис?..

Девочка, лазурные волосы которой слабо колыхались, сидела на нем верхом. Без одежды.

— ...

Голой.

— Э... Э?!

Такеру попытался подняться, но Ляпис обеими руками прижала его к кровати.

Парень удивленно взглянул на нее и тут же покраснел, осознав, что она пусть и маленькая, но все же женщина. Она не дышала и была холодна, как лезвие меча, однако кожа ее была невероятно нежна, и участки тела, которых она касалась, тут же стали горячими. Льющийся через окно лунный свет освещал ее как-то по-особенному.

На ум приходило только слово «прекрасная».

— Что ты...

— Помолчи. Я решила ответить на твою просьбу.

— Я-я-я ничего такого не просил!

— В этом облике моя связь с тобой слишком слаба, — многозначительно сказала Ляпис и поднесла лицо ближе.

— Что...

Девочка накрыла губы парня своими ровно в тот момент, как он попытался спихнуть ее.

Такеру замер, не в силах ни вдохнуть, ни сказать что-нибудь.

Ляпис переплела с юношей пальцы и медленно опустилась сверху, придавив его к кровати. Он ощутил, как переплетаются их языки.

«Нет, нет, нет, нет, нет! Нельзя так!»

Вопреки ожиданиям горячий язык Ляпис приятно шевелился у него во рту.

Такеру пытался сопротивляться, но силы отчего-то начали покидать его. Мысленно он сопротивлялся, однако тело не слушалось. Со временем сознание начало тускнеть. Ощущение тела и разума расплылось, словно они с Ляпис сливались в одно целое.

Такеру уже испытывал подобное во время перезаключения контракта с Ляпис.

В следующий миг его сознание как будто унесло в другое место.

Сознание и воспоминания превратились в водоворот.

Вопли и обвинения кружились в голове подобно торнадо.

В огромном водовороте он увидел разрушение мира, а в следующий миг уже очутился в белой комнате. Попытался что-то сказать, но не сумел даже вдохнуть.

Парень окинул взглядом просторное белое пространство и обнаружил в нем нечто алое.

Это оказалась прикованная к креслу женщина, которую пронзали иглы. Вокруг извивалась алая плоть.

Женщина походила на Кисеки.

Такеру мгновенно понял, кто она.

Микото Кусанаги. Старшая сестра Ороты, первый контрактант Мистелтейнн.

Ляпис показывала ему свои воспоминания.

— Процедура закончена. Подтверждена остановка неопределенного древнего атрибута. Кандалы сняты.

Раздался гудок, и кандалы Микото открылись.

Женщина рухнула на землю. В тот же миг окружавшая ее алая плоть обратилась в пепел. Какое-то время Микото не двигалась, затем протянула к чему-то трясущуюся руку.

Это оказалась небольшая лазурная ветвь.

Микото сжала ветвь и прижала к окровавленной груди, как нечто дорогое.

Волосы ее качнулись, и Такеру впервые увидел лицо женщины.

«Не может... быть...»

Она выглядела в точности как Ляпис.

Микото ласково прищурила мокрые от слез глаза и заговорила с ветвью.

— Сегодня... было совсем не больно.

Микото, глядя ветвь, отползла в угол. А затем продолжила говорить с молчащей ветвью.

Она напоминала ребенка, который нянчился с куклой. Словно эта ветвь была ее единственным спасением.

Сердце Такеру сжалось. Грудь переполнила злость, печаль и пустота. Для Кисеки спасением был Такеру, для нее же - эта небольшая лазурная веточка.

Картинка перед глазами исказилась, время потекло быстрее.

Все повторялось снова и снова. Микото продолжала разговаривать с молчащей ветвью.

«Сегодня я расскажу о том, как впервые увидела внешний мир».

«Сегодня поговорим о рассвете».

«Интересно, что сегодня на ужин? Надеюсь, его будет достаточно».

«Давай я сегодня расскажу о мальчике, который приходил к боксу?»

Микото снова и снова рассказывала даже о мгновениях кратчайшей радости. Вскоре веточка начала тускло светиться, как будто отвечая на ее слова.

Радуюсь даже этому, Микото широко улыбалась и весело смеялась.

Однако годы шли, и сердце Микото становилось слабее.

Говорила она все тише, и уже перестала плакать от боли и рассказывать радостные воспоминания. Вскоре Микото начала передавать веточке свое желание.

Желание о разрушении. Желание об уничтожении мира.

По щеке Такеру сбежала слеза.

Юноша так и не понял, его ли.

Перед глазами снова все замерло, и он оказался в другом месте.

На поле боя, где кругом свистели пули и кружились вихри магической силы. Солдаты и ведьмы убивали неприятелей в этом аду.

И в сердце этого ада разворачивался новый.

В центр поля боя сбросили похожий на гроб контейнер, из которого появилась Микото.

Женщина нетвердой походкой, словно приведение, шла по полю боя.

Под взглядами ничего непонимающих солдат и ведьм она поднесла ко рту ветвь.

— Давай вместе покончим со всем... Ляпис.

В ответ на желание Микото ветвь превратилась в кривой меч.

В тот же миг женщину окутали лазурные частицы.

Пожирающая все и уничтожающая богов сила начала сливаться с ее душой. Однако человеческая душа не выдержала слияния.

Микото застенала от душевной боли. От нее во все стороны хлынула алая плоть.

Микото Кусанаги стала монстром и принялась поглощать солдат и ведьм вокруг.

Ужасная бойня продолжалась недолго – вскоре вопли сменил звон мечей.

Дорогу Микото преградил Ороты в алых, словно пылающих, доспехах.

Он скрестил с ней клинки.

Он кричал изо всех сил, пытаясь сказать Микото, что это он тот самый мальчик, с которым она познакомилась в лесу. Однако женщина его не слышала. Ее разум уже угас.

— Че-е-ерт! Не прощу-у-у-у-у! Че-е-е-е-е-е-е-ерт! – стenal Ороты, щеки которого намokли от слез.

Пылающий шлем покрыл его голову, завершив сущность охотника на богов.

Два охотника на богов схлестнулись.

Стенания Ороты вскоре превратились в стенания людей, а потом и всего мира.

Все сгорало. Умирало.

Магическая сила «Небытия» расплзалась по миру, пожирая всех людей на своем пути.

Битва продолжалась несколько дней, а когда, наконец, подошла к концу, большая часть человечества уже была уничтожена.

Лазурный меч упал рядом с рухнувшей Микото.

Не успел Ороты подумать, что меч как будто прижимался с погибшей женщине, как тот

задрожал и рассыпался на частицы. Лазурные частицы начали складываться в человеческую фигуру. Вскоре из них появилась девочка, которая коснулась тела Микото.

— Носитель, вставай.

— ...

— Твое желание исполнено. Мир уничтожен. Больше никто не причинит тебе боль.

— ...

— Носитель... вставай. Больше не будет боли. Теперь мы сможем вдоволь отведать вкусной еды.

Девочка бесстрастно трясла Микото.

Микото не отвечала. Ее тело почти полностью превратилось в углерод и распадалось на части.

И все же девочка не переставала звать ее. Прямо как сама Микото когда-то.

Девочка не скорбела и не плакала - она просто делала то, что считала правильным.

— Ты...

К останкам Микото и девочке, пошатываясь, подошел израненный Ороты. Глаза его пересекала длинная рана, от тела всюду отваливались клочки плоти.

Ороты увидел девочку лишь потому, что с помощью магической силы заставил глазные яблоки работать.

— Какого черта... Почему ты... Почему ты жмешься к ней с этим лицом?! Почему ты жива, а она нет?!

Девочка повернулась к выставившему сломанный меч парню.

Ороты, в выражении которого смешались ярость, скорбь и отчаяние, занес над головой меч.

— Не смотри на меня т-а-а-а-а-а-а-к!

Девочка... Ляпис стеклянным взглядом смотрела на несущийся к ней меч.

— Черт... Черт!..

Клинок остановился, так и не достигнув Ляпис.

Ороти рухнул на колени и закричал в небо уничтоженного мира.

— Носитель?..

Ляпис же продолжила трясти Микото, не понимая, отчего он плачет.

— Мх?! - распахнул глаза Такеру, сердце которого как будто снова запустилось.

Ляпис отняла губы, разрывая ниточку слюны, и юноша сделал глубокий вдох.

— Ты...

— Я ответила на твою просьбу. Ты говорил, что хочешь больше узнать обо мне. Это были воспоминания о зарождении моей личности и первом создании облика охотника на богов, — равнодушно пояснила Ляпис.

Такеру вытер мокрые от слез щеки и посмотрел на девочку.

Лицо ее не выражало абсолютно ничего.

— Для превращения в охотника на богов требуется сильная душа. Слияние душ с контрактантом необходимо, однако человеческая душа его не выдержит.

— ...

— Тело Микото Кусанаги принадлежало демону, но душа была человеческой.

— Поскольку это слияние было первым, я не знала, каков будет результат. Однако она желала этого. Я бы в любом случае начала слияние, ведь в нем и заключается смысл моего существования, — холодно ответила Ляпис.

— Человеку такое не выдержать... То есть мне грозило то же самое?

— Не беспокойся. — Девочка выдохнула, закрыла глаза и продолжила. — У тебя не человеческая душа.

— ...

— У женщин из рода Кусанаги демонические тела, но человеческие души. У мужчин же наоборот, человеческие тела и демонические души. Разве родственники тебе не рассказывали? — спросила Ляпис.

Такеру не слышал ничего подобного ни от родителей, ни от Ороты, и все же не удивился.

— Я уже давно смутно об этом догадывался. «Не потому ли тело кажется тесным, что душа слишком велика?» — думал я... Хотя я плохо в этом разбираюсь.

— ...

— Ясно, у меня не человеческая душа... — пробормотал парень и поднял глаза к потолку.

Как ни странно, Такеру совсем не удивился. Это раньше он не понимал человеческое сердце и выходил из себя из-за всяких мелочей. Теперь же он познакомился и сблизился со многими людьми. Заработал их доверие и научился доверять сам.

Такеру совершенно не волновало, что у него демоническая душа.

Вид души его не интересовал. Из-за этого он не страдал.

Такеру видел, как страдает от демонического тела Кисеки. Он не настолько слаб, чтобы его потрясли подобные новости. К тому же, если он будет сейчас переживать о таких мелочах, Ока побьет его.

Заявит: «Ты человек по имени Такеру Кусанаги», — и побьет.

— Кстати, а что будет со мной, если мы полностью сольемся?

— Грань между нами исчезнет. Мы утратим свое «Я» и станем существом, которое истребляет богов и действует только ради исполнения собственных желаний.

— Не нравится мне это... — пробормотал Такеру, прищурившись.

— Все-таки не хочешь. Хорошо, я аннулирую контракт, как только буду уверена в нашей безопасности. Насчет ран не беспокойся, я вылечу их из уважения.

— Нет, нет, мне не нравится только то, что я не смогу сам выполнить свои желания.

— Не понимаю. Я ведь просто оружие, — холодно взглянула на парня Ляпис.

Однако тот лишь отмахнулся.

— Врешь.

— И в чем же я солгала? Объясни.

— Может, ты и была просто оружием, когда тебя создали, но ведь твоя личность появилась уже в этом мире, верно?

— И?

— Тогда ты ничем не отличаешься от обычных людей. Ты похожа на меня. Пусть у меня демоническая или какая там душа, но я стал человеком благодаря окружению, в котором вырос... Разве с тобой все иначе?

Ляпис озадаченно склонила голову.

Казалось, она недовольна тем, что не может что-то понять.

— Почему ты выглядишь и разговариваешь в точности как Микото-сан?

— Потому что кроме нее объектов для копирования не было...

— Нет. Не поэтому.

— Поэтому. Слияние с душой Микото Кусанаги провалилось, и я поглотила ее. В моей душе осталась только информация, из которой моя псевдо-личность и...

Такеру вдруг приподнялся и положил руки на слегка дрожащие плечи Ляпис.

— Нет. Ты любила ее. Очень, — уверенно сказал Такеру, серьезно глядя девочке в глаза.

— Я не понимаю... — замерла Ляпис.

— Нет, понимаешь. Я пережил твои воспоминания.

— Превращение в охотника на богов прервано. Наша духовная связь слаба.

— Я и без нее это вижу. Ты хотела спасти Микото-сан, потому что любила ее. Хотела слиться с ней, чтобы разделить боль и исполнить ее желание. Хотела хоть что-нибудь сделать для той, кто страдала... и всегда говорила с тобой. Ты сделала это только ради нее, пусть и крайне неуклюже и стесняя других.

— Неправда. Я убила ее обликом охотника на богов.

— Но ты ведь не знала, что у нее человеческая душа. Ты сама это сказала. Ты не собиралась убивать ее, просто хотела стать с ней единой, верно?

— Я...

— Хватит... Ты такая же, как и я. Неуклюжая дуреха. - Такеру обхватил Ляпис, пытавшуюся опровергнуть его слова.

Девочка не сопротивлялась и позволила себя обнять.

Юноша медленно погладил ее лазурные волосы.

— Ты... скорбела о ее смерти.

— ...

— Тебе было одиноко.

От ласковых поглаживаний Ляпис оцепенела.

Она не понимала, что значит тепло. Что значит скорбь.

Такеру гладил ее точно так же, как и Микото когда-то.

— Я решил быть рядом с тобой. Обещаю не оставлять тебя.

— ...

— Спасибо, что пыталась исполнить мое желание. Прости за нерешительность. - Такеру еще крепче обнял девочку. - Но я хочу сам исполнить свое желание. Нам не нужно становиться одним. Я хочу остаться собой и желаю тебе того же. Ты нужна мне, Ляпис.

Сбитая с толку накатившим теплом девочка не ответила и зарылась лицом в грудь Такеру.

— Я не понимаю сама себя. Но почему понимаешь ты?

— А я тоже не понимаю. Я просто считаю, что так и есть.

— Я больше не в силах отрицать твои выводы. Моя личность выдает ошибку каждый раз, когда я пытаюсь это сделать. Я всегда была во власти этой псевдо-личности. Я слишком многого о себе не понимаю.

— Значит, потихоньку разберешься.

— Если бы... у меня не было личности... не было эмоций, я была бы просто мечом, который приносит сумерки.

— Я искренне рад, что ты появилась.

— Я... Что мне делать? - дрожащим голосом спросила Ляпис, словно ища у Такеру помощи.

Юноша крепко обнял девочку и ответил:

— Будь со мной. Стань моим партнером.

Ляпис едва слышно вдохнула.

— Для этого мира я зло. Я могу его уничтожить.

— Нет. Я докажу, что правильно использую тебя.

— Я могу поглотить тебя. Убить.

— У меня демоническая душа. Если слияние пройдет как надо, мы останемся собой.

— Доказательств этому нет.

— Да кому они нужны.

Ляпис, которую Такеру гладил по голове, прищурилась. И впервые задала вопрос, в котором таились эмоции.

— То есть ты не отвергнул меня? Не считаешь мерзким владеть мечом разрушения?

— Сколько раз повторять, я не собирался отвергать тебя. Я не хочу терять тебя. Поэтому... — Такеру пристально посмотрел Ляпис в глаза и влил в свои слова все чувства. — Сделай меня вновь своим носителем.

Эти слова определенно достигли души Ляпис.

Девочка закрыла глаза. По щеке ее скатилась слезинка столь маленькая, что ее можно было и не заметить. Однако Ляпис точно впервые плакала.

— Да, с радостью... Носитель...

Такеру улыбнулся, когда услышал столь дорогое сердце обращение.

«Она как обычно бесстрастная, но сейчас хватит и этих слов», — подумал он.

Вот так юноша с душой демона и сумеречный меч, сблизившаяся с людьми и пытающаяся стать человеком, вновь заключили контракт.

Самая дальняя оконечность Западного крыла Академии Магии.

Здесь, в подземном зале, в конце каждой недели собирались чистокровки Вальгаллы.

Принцип чистой крови, на котором строится Западное крыло, радикален и всеобъемлющ, а чистокровками называют тех, кто принимает эти идеалы и действует с целью очищения мира.

Весь персонал здесь, за исключением нескольких работников, состоял из чистокровных ведьм и колдунов.

В центре пещеры, напоминающей большую аудиторию, располагался освещенный подиум, на котором стоял трон.

— Хм-м, так Матушка Гусыня все же решила переманить Мистелтейнн на свою сторону? — лениво поинтересовалась сидящая на роскошном троне женщина в пышном украшенном розами платье, пилочкой подравнивая пурпурно-красные ногти.

Звали ее Элизабет. Она вместе с Матушкой Гусыней, Одержимым и Ороти управляла Вальгаллой и в то же время руководила Западным крылом Академии Магии.

Туфли, платье, губы - все у нее имело пурпурный цвет. Ко всему прочему, вокруг, украшая ее, парили пурпурные лепестки роз.

Столь кричащая внешность невольно наводила на мысль о дурном вкусе женщины.

— Что же ты молчишь? Отвечай, Канария.

Девушка мрачно уставилась на нее из темноты. Глаза ее тускло сверкнули.

— Да... Матушка хочет заполучить Мистелтейнн и Такеру.

— Неужели! - преувеличенно удивилась Элиза и отбросила пилочку. В тот же миг парящие лепестки упали на пол. - Жаль... Вот потому-то этой неживой верить и нельзя. Старейшины ведь встали на сторону чистокровных... а она нас подводит. - Женщина покачала головой и грациозно очертила в воздухе круг тонким пальцем, который, казалось, сломается в любое мгновение. В ее руке тут же возникла уже зажжённая трубка. Элиза уверенно сунула ее в рот, глубоко вдохнула табачный дым, затем протяжно его выдохнула.

— Разберись с помехами, Канария.

— У меня на той стороне есть обязанности. Меня заподозрят.

— Ох, ох, Канария, моя убогонькая пустая эльфиечка. Не время волноваться о таких мелочах. Война уже началась.

— Из-за Кисеки Кусанаги алхимики переметнулись к Инквизиции. Баланс сил нарушен. А вы начали войну. Нужно оценить обстановку. Западное крыло в других убежищах тоже недовольно такой спешкой.

— Верно! Это я начала войну! Я, а не эти трусы! Зачем вообще Совет доверил захват «Хякки Яко» этой неживой? Посмотри, к чему это привело! Инквизиция заключила с алхимиками союз!

— ...

— Ты тоже виновата, но из благодарности я не стану тебя винить. Или что? Хочешь переметнуться к Восточному крылу? Прониклась идеями этой уродины и фальшивого вампира?

Канария с Элизой уставились друг на друга.

Когда между ними почти сверкнула искра, из темноты послышался скрип открываемой двери.

— Приветик! Привет, привет, привет, какая встреча! Давно не виделись! – показался в дверном проеме человек.

Элиза с Канарией цокнули языками и нахмурились.

Он даже в Вальгалле считался отпетым лжецом и обманщиком. Некромант Одержимый, колдун отчаяния.

Вид у него был самый что ни на есть жизнерадостный – видимо, раны от авроры Мари уже затянулись.

Одержимый остановился рядом с Канарией.

— О, Канария-сан?! Ох, какой же красавицей ты стала, пока мы не виделись! А ведь в прошлый раз ты была младенцем в процессе быстрого роста! Какая жалко... Шучу я, не делай такое лицо! Я горжусь всемогуществом! Как говорится, готова к употреблению!

Канария мечом отрубила руку Одержимому, который, не переставая трепаться, хотел коснуться ее волос. Рука шмякнулась на пол и затрепыхалась, словно выброшенная на берег рыба.

— Сурово. Так вот он какой, «цун»? Надеюсь, когда-нибудь ты покажешь мне свою «дере»-сторону.

Одержимый жутко изогнулся, и корчащуюся на полу руку поглотило внезапно появившееся черное болото. В тот же миг отрубленная рука оказалась на месте, словно ничего и не происходило.

Мужчина с улыбкой повернулся к сидящей на троне Элизе.

— Элиза, рад снова тебя видеть! Ты как всегда эффектна! Как же прекрасен ваш макияж, замораживающий клетки! Меньшего от «Всемогущей» древней ведьмы и не ждешь! Я искренне восхищаюсь твоей борьбой с течением времени! Ты совсем не изменилась с тех пор, как была наивной девчонкой, которая мечтала стать вампиром и купалась в крови девственниц! – Одержимый громко хлопнул в ладоши и с улыбкой до ушей похвалил Элизу.

— Неумело даже для сарказма. Высшие древние колдуны вроде нас давно отбросили понятие возраста... Я забыла о прошлом, — холодно фыркнула женщина.

— Нет, нет, я не думаю, что ты хоть каплю изменилась в своей сути. Чем еще объяснить твою неизменную внешность, как не привязанностью к молодости?

— ...

— У тебя макияж спадает? - с улыбкой подколот Одержимый.

Элиза дернула щекой - похоже, ее раздражение уже превысило все пределы. Не в ее силах так долго сохранять спокойствие.

Одержимый театрально развел руки и печально посмотрел на свет.

— И почему женщины приравнивают старость к уродству? Это символ, признак бурного прошлого. Не отрицать старость, вцепиться в нее и, не забывая о прошлом, гордо шагать на встречу лучшему будущему... Наслаждаться жизнью... Разве такие женщины не прекрасны?

— Не хочу слышать это от некроманта, который отрицает смерть.

— Ох, прямо за больное задела! И ведь не поспоришь! — Одержимый весело рассмеялся и собрался продолжить свой пустой треп. - Кстати, а ты знала? Большинство мужчин - лолико...

— Хватит паясничать. Зачем вернулся? Совет ведь приказал тебе ожидать распоряжений на месте. И скажу прямо - чистокровкам не нужна обуза вроде тебя. У твоего появления ведь есть причина? - недовольно поинтересовалась Элиза.

— Есть, конечно! - уверенно ответил Одержимый. - Уже не раз наступало чрезвычайное положение, когда на счету каждая минута.

— Чрезвычайное положение?.. Рассказывай.

— Видишь ли... я услышал, что здесь особа, которая не должна меня разлюбить, и тотчас же примчался, — без тени сомнения и стыда заявил мужчина, краснея.

У Элизы треснула щека, однако некроманта это ни капли не смутило.

— Мари-сан! Ах, Мари-сан! Сколько же мы не виделись... Четыре месяца? Или уже пять? Я так долго не видел, как она храбрится и изо всех сил пытается сдержать слезы!.. Наверняка ей тоже было одиноко!.. Ради встречи с ней я и пересек Кладбище! Это сила любви! Любви, которой нипочем даже океан «Небытия-а-а»! Я обязан ответить ей взаимностью! Ради этого я и верну...

— Выведите его отсюда. Мне надоел этот цирк, — с досадой щелкнула пальцами Элиза.

В тот же миг по обе стороны от некроманта из темноты, словно призраки, выступили два колдуна в красных мантиях с капюшонами, схватили его под руки и выволокли из зала.

— Жди меня, Мари-сан! Моя Мари-тян! Мы обязательно встретимся-а-а! - проорал напоследок Одержимый.

Элиза устало вздохнула.

— Канария, возвращаемся к нашему разговору.

— Нет. Не вернусь, меня заподозрят.

— Давай только без этого. Ты, похоже, нравишься Одержимому, так что он попытался сменить тему, но... Ты же не думала, что уйдешь от ответа? - улыбнулась Элиза и легонько прикусила ноготь.

Канария не ответила.

— Докажи свою преданность, — весело произнесла женщина и провела пальцем по губам.

— Уже доказала. Гору грязной работы сделала.

— Эти поручения исходили от всей Вальгаллы в целом. Я же говорю о преданности Западному крылу, восстании против этой неживой. - Элиза скрыла рот веером, так что улыбка была заметна только по глазам. - Избавься от Такеру Кусанаги и захвати Мистелтейнн. Так ты увеличишь наши силы и получишь возможность отомстить Инквизиции и алхимикам.

— И что вы с ней будете делать?! Совет не одобрит...

— Слушай. Вся собравшаяся здесь элита решила поручить это дело тебе. Когда война начнется всерьез, на поле боя воцарится хаос. И тогда ты сможешь свободно использовать этих детей и отомстить. — Элиза поднялась с трона и, вилля бедрами, подошла к Канарии, затем сложила веер и наклонилась к уху девушки. - Инквизиция и алхимики убили твою маму. Разве тебе не хочется покарать их? Рядом с неживой и фальшивым вампиром у тебя за всю жизнь ничего не выйдет.

— ...

— Ты ведь понимаешь, что настало время выбирать сторону?

Слова Элизы эхом прокатились по залу.

Канария не изменилась в лице, однако крепко сжала кулаки.

Одержимый, который стоял за огромной дверью, прислонившись к ней спиной, все слышал.

Он подслушал разговор через каплю болота, которая осталась на полу после восстановления руки.

— И почему Элиза-сан такая мелочная, несмотря на свою обворожительную внешность и поведение? – сокрушенно покачал головой некромант и пошел прочь, переступив через останки двух элитных чистокровных колдунов.

Миновав трупы, он увидел на полу, устланным похожим на красный ковер материалом, девочку в черном.

Девочку в черном готическом платье с невероятно жутким взглядом.

Правильные, почти идеальные черты лица делали ее похожей на западную куклу. При взгляде на ее иссиня-черные волосы и переливающиеся черные глаза, напоминающие опалы, любой бы понял, что она не человек.

Одержимый удивленно остановился перед девочкой.

— А вот это что-то новенькое. Когда это у тебя человеческий облик появился?

Девочка цокнула языком и скрестила руки на груди.

— С нашего прибытия сюда. Магические наследия со своей волей тут носить разрешено, но требуют принять не атакующую форму. Принимать человеческий облик унижительно, но лучше это, чем сидеть в антимагических ножнах.

Одержимый вновь сдвинулся с места, и девочка – Магическое наследие S-класса опасности «Дайнслейф» — последовала за ним.

— Ты же слышала разговор в зале?

— Да... Элиза торопится. Ее действия слишком подозрительны, это даже Западному крылу очевидно. Скоро ее снимут с поста директора... Многие ведьмы из других убежищ сгодятся на

эту роль. Поэтому она хочет заполучить силу охотника на богов и сама стать правительницей.

— Ведьма она выдающаяся, но слишком заиклена на себе, эгоистична. Совет больше склоняется на сторону Матушки.

— Похоже, она и правда жалкая, раз так говоришь ты.

— Меня не интересует положение и почет, а от идеалов чистокровных вообще тошнит. В мире много разных людей, разных мнений... А что веселого в одноцветном мире? – Одержимый сокрушенно покачал головой и искоса взглянул на Нахт. – Ты ведь сюда не разговор подслушать пришла?

— А-а, да. Я узнала, что вместо «Хякки Яко» привели кое-кого другого... Не хочется верить, но все так и есть, черт... Эта лазурная девчонка тоже здесь... Немыслимо!.. – Нахт раздраженно топнула ножкой.

— Эх, и зачем это Элизе с Матушкой Гусыней? Не понимаю я, зачем было приводить сюда Такеру Кусанаги и Мистелтейнн.

— Одержимый... Давай убьем их, здесь и сейчас! Я больше не могу терпеть это унижение...

Дрожащая от злости Нахт обхватила себя и закусила губу, на глазах у нее даже выступили слезы.

Одержимый с Нахт проиграли Такеру и Ляпис во время атаки на турнире учебных боев, где им нужно было убить Мари.

Ее оскорбили как Магическое наследие, и вместе с хозяином даже называли тупым. Нахт до сих пор с отращением вспоминала тот момент. Нет ничего хуже для меча, чем быть названным тупым.

Одержимый прищурился, по-прежнему глядя вперед.

— Убить, здесь и сейчас?.. О чем ты, Нахт?

— Э?

— Время еще не пришло. Я согласен только на лучшую сцену... лучшие условия... лучшие эмоции...

— Одержимый?..

— Этот мальчишка обязан быть моим врагом. Только моим. Не чьим-то еще, не союзником.

Нахт заметила, что голос мастера звучит иначе, подняла глаза и... ахнула.

Она провела с Одержимым немислимое количество времени. Поддерживала в боях, помогала сеять отчаяние. Немногие Магические наследия при выборе хозяина ориентируются на его человеческую природу. У многих просто-напросто отсутствует понятие добра и зла. Хозяев они избирают не по таким глупым критериям, а по самому их существу. Иначе говоря, по цвету души.

Нахт любила черную переливающуюся душу Одержимого, потому не интересовалась его злодеяниями. Для нее высшей радостью было то, что он размахивает мечом и добивается победы.

Потому она и тянулась к нему. Она знала его лучше кого бы то ни было.

И все же такого Одержимого она еще не видела.

Она никогда не видела, чтобы он открыто проявлял ярость. Он всегда вел себя отстраненно, а даже если и говорил яростно, лицо его не менялось.

Так почему сейчас он...

— Я наконец-то нашел своего заклятого врага... И никому его не отдам!..

Его искаженная ухмылка источала столько радости и злости, что испугалась даже Нахт.

<http://tl.rulate.ru/book/101721/3793455>